
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Екатерина Ратникова
(г. Москва)

СТИХИ

Выпускница Литинститута 2011 года, работает методистом на кафедре зарубежной литературы, ведущая поэтической гостиной Клуба писателей Литературного института.

СИРЕНЬ

Майский дождь моросит в безразличном саду,
Все еще полусонном и полупрозрачном.
Отцветает сирень — как цвела — на виду,
Странно, мрачно.

Пахнет прелью от мокрых, поблекших цветков,
Мотыльками летящих на теплую землю
Умирать среди сотен других мотыльков.
Тихо внемлю.

Долго ветви озябшие гладит рука.
С листьев катятся капли досрочного тленья...
Моя самая лучшая в жизни строка,
Стань сиреню!

Лист бумаги — прохладен, по-новому пуст,
На измученный стол белым озером ляжет.
Все слова ни к чему — этот сгорбленный куст
Больше скажет.

* * *

Я где-то прочел: после смерти душа
Растеньем становится, птицей иль зверем...
Гнездо разорив, я птенца-малыша
Убил, чтобы это проверить.

Он долго лежал на асфальте у ног,
Чтоб чудо воскресшее мог посмотреть я,
Но тощий, глазастый холодный комок
Был жизнью, не знавшей бессмертья.

И рушился мир, как из глины стена,
В глазах недовера, глупца и убийцы.
Той ночью хотел я шагнуть из окна —
Отдать свою душу той птице.

Я думал: что взял, непременно верну,
И все будет так, как обычно.
А к вечеру дождь застучал по окну
Сердцебиением птичьим.

И гром загремел, и на время грозы
Наохлили клены зеленые перья,
И громко, по-птичьи, кричали часы,
И с карканьем хлопали двери.

В промозглую комнату, влагой дыша,
Влетали ветра, чтоб часам помолиться.
...Когда-то я знал, что бессмертны душа
И птица.

ПРУД

По тяжелой воде пыльно-желтой травы
Серый лебедь, склонившись, устало плывет,
Щиплет с ив престарелых остатки листвы
И печально колдует над скудостью вод.

А на каждом закате с упорством немым
Бьется крыльями в рдяную стынь облаков,
Не умея смириться на веки веков,
Рвется к свету иному и водам иным.

В блеске перьев, сравнивших рожденье и тлен,
Все, что видно вокруг, остается навек —
Старых плит грязно-серый, нetaющий снег,
Неподвижный полет Новодевичьих стен,

Ивы, люди, скамейки, дома — навсегда! —
Запах зелени, мусора, дыма, камней,
Слова легкость и боль, мысли свет и беда,
Высота и стеклянное небо под ней.

МЕТРО

Электрических ламп усмиренный огонь,
Полусонная общность людская
Наполняют горячий, дрожащий вагон,
И в металл, и в стекло проникая.

Лет двенадцати девочка всем напоказ,
Пред собою смотря отрешенно,
Как печальный цветок, парой выпуклых глаз
Прорастает сквозь стенки вагона.

И не видит в стекле отраженье свое,
И не слышит в стремлении срочном,
Как окно, дребезжа, долго льется в нее
Тусклым взглядом, отнюдь не цветочным.

Как ползут по тоннелю вперед провода,
Как им тесно и как одиноко
В забыты под разрядами тока
Увядать.

* * *

Ночная птица рвется из меня
И, вырвавшись, отряхивает с крыльев
Расколотую оболочку сердца,
Что оказалось для нее мало.
Зима снаружи дышит на стекло.
Я все хожу и не могу согреться,
Потом ворчу, что окна не закрыли,
Что пол от пыли словно полинял...

А птица улетает на восход,
И каждое перо ее — антенна,
Что слышит стихших улиц теплый запах,
И рост камней, и стен дрожащий сон.
Мой подоконник снегом занесен.
Сквозь стекла видно: вяз в распухших лапах
Стал смерть себе копить, скрипя надменно,
Как старый маятник, замедлив ход.

Я слышу: птицы больше не поют.
А это значит — я теперь не вправе
В слова переводить Земли вращенье
И так гадать, что дни в себе несут.
Прозрачный с длинной трещиной сосуд
Со страхом ждет людского возвращенья,
Еще не зная, нектаром, отравой
Его наполнят — или разобьют.